

С.Б. СОРОЧАН
ХАРЬКОВ

ОБ АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРЕТОРИЯ В ХЕРСОНЕ

Активизация строительных работ военно-административного характера наиболее наглядно прослеживается во второй половине – конце IX – начале X в. в юго-восточной оконечности города, так называемой «цитадели» Херсона. В данное время здесь была надстроена 19 куртина, совершены мощные высокие подсыпки земли и бутового камня с ее внутренней стороны, дабы обеспечить доступ к двум новым боевым калиткам. Также было разрушено, погибшее, очевидно, при большом пожаре, общественное здание VI–VII вв. вдоль куртины. От него остался зафиксированный раскопками 1926 г. сплошной слой горения, и отчасти на его месте был возведен обширный комплекс построек и помещений, интерпретируемый в целом как византийский преторий. Упоминание о его существовании донесла строительная надпись, вырезанная на части большого мраморного карниза грубой отделки. В надписи говорится о сооружении для претория «железной двери» (*ἐγένοντο πόρται τοῦ προητορίου σιδήρεαι*), то есть двери, скорее всего, обитой железом. Судя по надписи, она была сделана по повелению стратига Херсона и Сугдеи патрикия Льва Алиата в апреле 1059 г. Раскопки последних десятилетий, ведшиеся И.А. Антоновой и продолженные С.Б. Сорочаном, позволяют составить сравнительно полное, целостное представление о том, как стала выглядеть большая часть «цитадели» в феменный период истории Херсона. Они действительно отразили зримые изменения, которые претерпел город после водворения в нем стратига. Поэтому было бы целесообразно подвести предварительные итоги, обобщить полученные материалы и создать связную картину того, что было воздвигнуто здесь херсонитами под руководством фемных властей.

Монументальный общественный архитектурный комплекс, где размещался штаб стратига, его резиденция, а, возможно, казармы, суд и тюрьма, занял почти целиком северную половину каре общей площадью около 0,5 га, образуемого 18-21 куртинами оборонительных стен. В него входило по меньшей мере два однотипных здания, каждое площадью около 200 м², с четырьмя внутренними помещениями общей длиной 23,5 м и шириной по 5 м, размещенных друг против друга, перед большим закрытым со всех сторон центральным двором (23,5 x 12 м), вход в который вел с запада через колоннадный портик. На стенах здания сохранились следы штукатурки на глине, причем, судя по обломкам, по штукатурке встречались фресковые орнаменты, а окна были застеклены. С востока примыкала выстроенная немного позже, вероятно, в начале X в., роскошно украшенная трехнефная базилика почти квадратной формы (9 x 8,7 м). В целом архитектурный ансамбль был рассчитан на свободный осмотр и обход со всех сторон, поэтому вокруг него было оставлено насколько возможно свободное пространство. Главный фасад храма разряжал однообразие торцевых фасадов двух зданий. Являясь вертикальной доминантой архитектурного комплекса, он, видимо, прикрывал своей высотой оборонительную стену и создавал иллюзорное впечатление большого пространства.

Все восемь помещений здания не представляли анфиладного ряда. Имея автономные выходы – двери шириной 0,9 и 1,2 м, открывавшиеся наружу, во внутренний двор и на прилегавшие площади (с севера и юга), они, как правило, не сообщались друг с другом, кроме двух крайних помещений на северной стороне. Отсутствие лестниц указывает на одноэтажность северного и южного ряда помещений, но толщина стен (0,8 м), сложенных из довольно крупных подтесанных камней на грязевом «растворе» говорит все же в пользу их значительной высоты. Лишь в одном из помещений оказался очаг, оформленный венчиком пифоса X–XI вв. Обращает внимание, что археологический материал в слое этого здания вообще малочислен. Следовательно, оно тщательно убиралось, чистилось и не было рассчитано на хозяйственную деятельность, подобную жилым домам.

При строительстве претория оказался засыпан колодец с материалом VIII–IX вв. Наиболее поздними в нем были две монеты Василия I (867–886), которые определяют *terminus post quem* архитектурного комплекса. Судя по находкам в слое разрушения обломков керамики XII в. и монеты Романа IV (1067–1071), сооружение просуществовало до конца XI – начала XII в., после чего было разобрано, а на его северном крыле возникла небольшая трехкамерная постройка, видимо, нежилого

характера. Примечательно, что хронологически эти изменения увязываются с упадком в Византии феодного строя, изжившего себя и трансформировавшегося в новые организационные формы, более соответствующие феодальному обществу. Так, в 60-е гг. XI в. здесь в Херсоне, если верить данным Лаврентьевской летописи от 6574 (1066) года, был уже не только стратиг, но и катепан Корсуня или другого крымского города, — лицо с иными, нежели у стратига задачами, входившее в структуру фемы.

По мнению И.А. Антоновой, в строительной надписи Льва Алиата «преторием» называлась вся цитадель и «железные ворота» были сооружены для повышения ее обороноспособности, так как, якобы, были устроены в 21 куртине. Эту точку зрения разделяет Н.И. Храпунов, который ссылается на данные о существовании претория в виде укрепленной цитадели в центре итальянского Бари. Видимо, нечто подобное предполагал К.К. Косцюшко-Валюжинич, когда писал в 1895 г., что мраморный карниз с надписью мог находится, первоначально, в воротах «главной стены», то есть цитадели. Между тем, далеко не все византийские города имели обособленные, замкнутые укрепления на акрополе или на окраине. К примеру, преторий с тюрьмой находился в столице империи на форуме Константина и, следовательно, это было здание, а не цитадель, причем вписывавшееся в ансамбль других построек, таких как Большой Нимфей и дворец синклита. К тому же наличие ворот в приморской средневековой оборонительной стене до сих пор остается под вопросом. Очевидные следы их не найдены, несмотря на многолетние усилия археологов. Ставить же «железные двери» в проходе шириной 3,32 м и длиной 4 м с перекрытием в форме свода, который был сделан, видимо, в IX–X вв. на месте более ранней, заложенной нижней части калитки по центру 18 куртины, было нецелесообразно, ибо проход, имевший порог, как и калитка, выводили, по данным К.К. Косцюшко-Валюжинича, на «хорошо укатанную шоссированную улицу» (шириной 3,41 м) непосредственно в город, в его портовый жилой квартал и поэтому здесь было бы достаточно обычных деревянных ворот. Остаются еще три, меньшие по размерам боевые калитки около башен XVI, XVII и примерно посередине 19 куртины, но все они вели из «цитадели» в перибол. Следует подчеркнуть, что греческое слово «*porṭa*», использованное в строительной надписи Льва Алиата, обозначало именно двери, а не ворота, которые ромеи называли иным образом (*ἡ αὐλοπόρτα* или архаичным *ἡ πύλη*). Поэтому с не меньшим основанием можно предположить, что «*πόρτα σιδερά*» были сделаны вместо обветшавших за полтора столетия двухстворчатых деревянных дверей

в сводчатом или купольном колоннадном проходе. Он вел с запада во двор комплекса зданий, который и следует понимать как собственно преторий (*praetorium*), просуществовавший в таком виде до конца XI - начала XII вв. Стоявшие на расстоянии 1,5 м две пары колонн из голубоватого проконнесского мрамора были зафиксированы уже во время раскопок 1907 и 1910 гг. (судя по фотографиям, тогда они еще находились *in situ*, на своих прежних местах). Перед колоннами имелась стена с порогом, снабженным круглыми пятами для вращения двери и гнездами продолговатой формы для укрепления вращающихся частей. Возможно, именно для украшения этого главного прохода, укрепленного «железной дверью», предназначалась художественно исполненная мраморная фигура припавшего на передние лапы льва с головой повернутой вправо, видимо, из числа оставшегося от малоазийского импорта раннеримского времени. После прекращения существования ансамбля претория она, вместе с мраморным карнизом, в свою очередь, была использована как вторичный строительный материал в кладке соседней 18 куртины. Уже К.К. Косцюшко-Валюжинич заметил, что, судя по повороту головы, лев «служил украшением ворот или общественного здания». Следует также обратить внимание, что византийский преторий, совпадая он со всей «цитаделью», понимался бы как часть укреплений города-кастроны. Однако в надписи Льва Алиата речь особо идет о возобновлении двери претория, который, таким образом, не воспринимался как органичная часть городских укреплений. Напротив, он противопоставлялся городу-крепости с его воротами («...возобновлены и прочие [ворота] кастра» — *ἐνεκαίνθηθεςαυ καὶ αἱ λοιπαὶ τὸ κάστρο*). По мнению Н. Икономидиса, за найм этой резиденции стратига полагалось получать из казны два литра пакта («договорных денег»), о которых упоминал Константин Багрянородный. Впрочем, на эти деньги можно было бы арендовать не только территорию «цитадели» (меньше 0,5 га), но гораздо больше, если исходить из цен, принятых в случае таких платежей (от 1 до 10 номисм за модий земли).

На то, что здания комплекса претория и базиликальный храм, в котором И.А. Антонова видела гарнизонную, военную церковь, близки по времени сооружения, указывает один уровень цокольного ряда, находки однотипной керамики и зависимость архитектурно-планировочного решения. Этому наблюдению не противоречат находки при зачистках среди камней кладки базилики фрагментов белоглиняной поливной посуды, черепиц с рельефной меткой в виде орла и двух монет Василия I в западной стене. Вместе с тем, под полом храма, во время исследований проведенных Р.Х. Лепером в 1910 г., оказались обнаружены «моне-

ты Романа и Константина с Василием», а в южной стороне храма – монета Романа и Константина (X в.). Необычная для базилик этого времени форма храма, включенного в архитектурный комплекс претория, объясняется тем, что строителям пришлось буквально втиснуть его в свободное пространство, ограниченное с запада «переулочком» шириной 1,3 м от стены двора претория, а с востока полутораметровым проходом около 21-й куртины. Несмотря на скромные размеры и такую же, как у претория, простую иррегулярную кладку из крупных разномерных камней на грязевом «растворе», храм, поставленный на основание высотой около метра, отличала редкая пышность интерьера, со следами которого К.К. Косцюшко-Валюжинич столкнулся во время раскопок в 1905 г. около 18 куртины. Однако во всем великолепии он предстал во время работ весной 1907 г. В тщательно и аккуратно ведшемся «Описании древностей» он отметил остатки «превосходной половой мозаики в алтаре». Также были перечислены почти три сотни мраморных архитектурных и декоративных деталей и их фрагментов: капителей и баз колонн, карнизов, плит, известняковых тонких и толстых колонн и капителей, а также 2438 кусочков разноцветной стеной мозаики (смальты), в том числе с позолотой. Очевидно, именно на эту мозаику, отмеченную как «красивая», еще раз наткнулись во время рытья могил для размещавшегося здесь карантинного кладбища: она пропала во время чумного бунта 1829–1830 гг. В дневнике Р.Х. Лепера от 21 июня 1910 г. было записано, что «внутри церкви были обнаружены древние могилы», но не отмечено их количество и устройство. При дальнейших исследованиях только в северо-западном углу храма удалось найти единственную одновременную ему могилу длиной 2 м, шириной 0,8 м, заглубленную на 0,5 м ниже каменной забутовки пола. Ее стены были выложены плоскими камнями на глине, а дно – прямоугольными известняковыми плитами со сквозным отверстием диаметром 1,5-2 см. Поскольку храм оказался перекрыт земляной насыпью с могилами XII в., он, видимо, просуществовал сравнительно недолго и не пережил преторий.

Раскопки, проведенные в 2003 г., позволили установить, что к югу от комплекса построек с двором и базиликальной церковью, на расстоянии 13,2 м, параллельно предполагаемому византийскому преторию уступом располагалось еще одно крупное общественное здание прямоугольной планировки, которое, судя по стратиграфии, было возведено одновременно и тоже могло служить для нужд фемной администрации. Его двухрядные стены с внутренней забутовкой, сложенные на глине, имели ширину 0,5 м, что указывает на одноэтажность сооружения, а длина северной стены (№ 115) достигала 16,7 м. Угол здания был при-

строен к остаткам сивелированной перед этим раннесредневековой бани с гиппокаустом и фригидарием, которая просуществовала до второй половины IX в.

В целом, обширный архитектурный комплекс в «цитадели» Херсона являл собой яркий пример византийского провинциального общественного зодчества, который заставляет по иному взглянуть на возможности византийского строительства в раннее средневековье и отказаться от бытующих в историографии представлений об отсутствии в это время в ромейских городах новых гражданских, общественных, административных зданий. Такого рода постройки, в которых проявлялась забота о благоустройстве города, не были единичны.